

Д. Е. АФИНОГЕНОВ

КОМПОЗИЦИЯ ХРОНИКИ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА

Хроника Георгия Монаха, или Амартола (обычный самоуничижительный эпитет — «грешник»), созданная приблизительно в 886—887 гг.¹ и доведенная до 843 г., относилась, по выражению Г. Хунгера, к излюбленным хроникам византийцев². О ее авторе мы не имеем никаких данных, кроме тех, которые можно извлечь из самого произведения. Во всяком случае, это типичный представитель монашеской хронистики, не слишком ученый, пишущий простым языком с явным влиянием койнэ Нового завета и Септуагинты и многими погрешностями против аттической нормы. Обращается он к достаточно широкому кругу читателей и отличается от своих собратьев по жанру, таких, как Малала, Синкелл, Феофан, исключительной любовью к богословским или моралистическим отступлениям и сравнительно небрежным отношением к хронологической точности. Добавим, что Георгий, как и Феофан, принадлежит к ревностным иконопочитателям.

Популярность хроники у средневекового читателя доказывается, в частности, большим количеством сохранившихся рукописей (более 30), а также тем, что памятник был переведен уже в X—XI вв. на славянский и грузинский языки, причем приобрел широкую известность и на Руси — именно Георгий использует Нестор во всемирно-исторической части «Повести временных лет». Кроме того, материал хроники весьма активно использовался позднейшими историками — «оттуда черпали почти все позднейшие хронографы»³.

Ввиду такой популярности этого произведения тем более удивительно, что оно до сих пор не стало объектом литературоведческого анализа. Исследователи рассматривали его исключительно как исторический источник (и то только для эпохи 813—843 гг., описанию которой посвящена весьма незначительная часть произведения). Но такой угол зрения неизбежно приводит к очень низкой оценке памятника⁴, и общепризнанный факт широкой распространенности и читаемости хроники в средние века остается совершенно не объясненным. Между тем исторической информативностью Георгия не были удовлетворены и современники, что видно из большого количества интерполяций, которым был подвергнут первоначальный текст.

¹ О датировке подробнее см.: *Каждан А. П.* Хроника Симеона Логофета // ВВ. 1959. Т. 15. С. 126; *Lemerle P.* Thomas le Slave // TM. 1965. Vol. 1. P. 259.

² *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 347.

³ *Georgi Monachi Chronicon* / Ed. C. De Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978. P. LXX.

⁴ Ср.: История Византии. М., 1967. Т. II С. 10.

чальный текст⁵. Эти интерполяции как раз носят историческо-повествовательный характер.

Естественно поэтому предположить, что, несмотря на недостаток собственно исторической информации (ощущавшийся и средневековым читателем), хроника удовлетворяла, причем в высокой степени, тем требованиям, которые предъявлял современный ей читатель к произведениям этого жанра. Следовательно, будет плодотворным исследовать этот памятник как цельное *литературное* произведение, имеющее основным предметом изображения историю.

В качестве основы для исследования принят текст, зафиксированный в рукописях codex Coislinianus 310 (A), Coislinianus 134 (C) и других и изданный Де Боором в 1904 г. в Лейпциге. Рукопись codex Coislinianus 305 (P) не учитывается, так как она содержит либо черновой вариант хроники (Де Боор), либо позднейшую редакцию, осуществленную уже другим автором (Истрин), и поскольку произведение это получило столь большое распространение именно в том виде, в каком его издал Де Боор.

Первое, с чем приходится сталкиваться при анализе хроники Георгия Амартола, — это не совсем привычный для современного человека, но вполне обыкновенный в средние века способ реализации творческой самостоятельности писателя. Ведь, казалось бы, как может идти речь о самостоятельности практически всецело компилятивного сочинения? Но отношение Георгия к материалу, которым он пользуется, чрезвычайно активно.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что в предисловии Амартол не называет ни одного автора в качестве своего предшественника и ни одно произведение как образец для себя. Вся предшествующая литература делится для Георгия на две части — языческие писатели, которым он себя противопоставляет и которых в то же время использует, и близкие ему по времени «славные и досточтимые мужи». Собственно, эти «досточтимые мужи» упомянуты в одной лишь фразе: «Мы же . . . прочтя рассказы и летописи (*χρονογραφίας*), исторические сочинения и душеполезные учения не только эллинских и древних историков, но и новых и живших гораздо позднее славных и досточтимых мужей . . . составили (*ἐξεδέμεθα*) . . . хроникку»⁶.

Как видим, все они — и язычники, и христиане — стоят в одном ряду поставщиков материала для хроники. И сколь бы различным ни было отношение к ним Георгия, говорить о декларируемом следовании тем или иным образцам, будь то древние эллинские или византийские, церковные историки, вряд ли возможно.

Во-вторых, заслуживает внимания способ обращения Амартола с материалом. С. Шестаков, проведя тщательное исследование источников хроники, пришел в свое время к такому выводу: «. . . лишь с большим трудом можно изблечь полную несамостоятельность Георгия в разобранных главах. Путем сшивания небольших отрывков, взятых из разных частей того или иного труда Афанасия или Феодорита (особенно последнего), перестановок и очень немногих посторонних вставок он старается

⁵ В. Истрин, например, считал, что версия, с которой был сделан славянский перевод, — уже производная 3-го порядка от оригинального текста, в ходе каждой переработки снабжавшегося новыми вставками (*Истрин В.* Греческий оригинал так называемого болгарского перевода хроники Георгия Амартола // ВВ. 1906. Т. 13. С. 36—57).

⁶ *Georg. Monach.* P. 1.

из старого сделать нечто новое. Часто, конечно, такое отношение к источнику вредит целостности и последовательности изложения»⁷.

Этот вывод относится, правда, лишь к первой половине хроники. Остается проанализировать степень самостоятельности Георгия в распределении компилируемого материала хроники Феофана, из которой он черпает особенно обильно в части своего сочинения, повествующей о византийской истории (здесь нередко встречается многостраничный текст, составленный исключительно из Феофана). Для этого сравним рассказ обоих хронистов о царствовании Фоки. У Феофана он занимает 10 страниц⁸ (около 260 строк), у Амартола — 5⁹ (около 100 строк, из них 52 из Никифора и Исидора Пелузиота).

Амартол рассказывает о воцарении Фоки (662, 10 — 663, 13, 36 строк, что приблизительно соответствует сообщениям Феофана на С. 289—293), затем историю о говорящих статуях — 663, 17—664, 2 (Феофан. С. 291, 17—26), упоминает об убийстве жены и дочерей Маврикия (Феофан. С. 295, 7 и 296, 3) и перечисляет бедствия ромеев, причем к тому, что у Феофана изложено на с. 290, прибавлен его же фрагмент с 297 с., а также фраза самого Георгия, придающая этому отрывку нравоучительный смысл, гораздо более откровенный, чем у Феофана: «. . . за то, что предпочли законному и благочестивому царю нечестивого и скверного». (У Феофана: «Так те, кто поставил тирана, при нем же и истребились»).

Далее следует рассказ о волнениях в столице на 11 строк и, наконец, о низвержении Фоки, вводимый следующей ремаркой Амартола: «А после этого настиг гнев и голову нечестивого Фоки за содеянное им неисчислимое зло». К этому Георгий прибавляет рассказ Никифора о казни Фоки (с натуралистическими подробностями) и заключает главу, посвященную этому императору, рассуждением Исидора Пелузиота о зловерности кашпадокийцев.

Уже сопоставление этих небольших отрывков произведений Амартола и Феофана Исповедника показывает, насколько свободен и избирателен подход Георгия к отбору материала для своей хроники. А если учесть, что структурные единицы, на которые членится повествование у того и другого хрониста, разные (у Амартола — царствования императоров, у Феофана — годы), становится ясно, что зависимость Георгия от своего предшественника в композиционном плане минимальна. Вопрос о том, что именно берет Амартол у Феофана и других историков и что считает нужным добавить, составляет тему отдельного сочинения и здесь рассмотрен быть не может. Для нас важно только, что Георгий организует компилируемый материал сообразно своим собственным целям и установкам. Но в чем же сам хронист видит свою задачу, каким путем реализуется его творческая активность? Чтобы понять это, обратимся к прологу хроники.

Недостаток языческих (οἱ ἔξω) писателей Амартол видит в том, что их писания нелегко было охватить, воспринять (οὐκ εὐληττα) и понять (οὐκ εὐκατάληττα, οὐκ εὐκρινῆ). Сам же Георгий намеревается представить материал, «весьма необходимый и очень полезный, излагаемый с нагляднейшей ясностью и краткостью» (ἀναγκαῖα πάντα καὶ χρήσιμα λίαν . . . δι' ἔπιτο.

⁷ Шестаков С. П. О происхождении и составе хроники Георгия Амартола. Казань, 1891. С. 58—59.

⁸ *Theophanis Chronographia* / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1883. P. 289—299.

⁹ *Georg. Monach.* P. 662—667.

μῆς καὶ σαφηνείας ἐναργεστάτης)¹⁰. Далее он еще несколько раз повторяет ту же мысль, варьируя синонимы. И наконец, возможные недостатки хроники — ἀσυνάρτητον (несвязность) и τὸ περιττόν (некое излишество). Все эти эпитеты четко делятся на две группы. В первую входят термины, относящиеся к подбору материала (εὐκατάληπτα, εὐκρινῆ, ἀναγκαῖα, χρήσιμα, περιττόν), во вторую — к его композиции (εὐληπτα, δι' ἐπιτομῆς, далее εὐσύνοπτον, εὐμνημόνευτον, ἀσυνάρτητον). Здесь и выявляются те две области, которые Георгий относит к своей специальной задаче как составителя хроники, и в которых только и может проявиться и проявляется в действительности его творческая самостоятельность. Амартол имеет перед собой готовый материал, но создает из него нечто новое и особенное. И чтобы понять и раскрыть это новое и особенное, необходимо изучить прежде всего принципы выбора темы и подбора соответствующего ей материала, а также способ организации этого материала, тем более что сам автор придает этому такое исключительное значение. Нам представляется целесообразным начать с формального момента, и вот по каким причинам.

Хроника Георгия Амартола — сочинение историческое, и его композиция должна в той или иной мере отражать взгляды автора на историю, а поскольку это еще и компилятивное произведение, изучение композиции остается преимущественным средством для реконструкции этих взглядов. История же как таковая есть существеннейшая часть проблематики хроники, а это значит, что к общему содержательному анализу невозможно перейти, не выявив предварительно композиционные особенности произведения. Вот почему темой настоящей работы избрана композиция хроники Георгия Амартола.

Общую структуру своей хроники Амартол определяет в прологе. Он говорит, что ради удовлетворения тем требованиям, которые он перед собой ставит, а именно легкости обозрения и запоминания, он построит повествование «в порядке разделов» (ἐν τάξει τμημάτων). Сам Георгий обрисовывает этот порядок следующим образом:

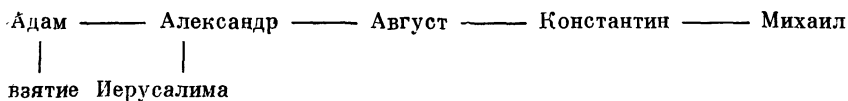
«Ибо начав с Адама и дойдя вкратце до кончины Александра, мы снова от Адама таким же образом и с тем же намерением, возвратившись, упомянули как можно короче время жизни и деяния тех, кто следует потом до Иисуса Навина, далее сжато судей до пророка Самуила и затем так же царей Иудейских, от Саула до Седекии и взятия Иерусалима. . . потом рассказали, отклонившись, о вождах римлян, и как о царствах и династиях македонян, Селевков, Антиохов и Птолемеев, так и о вселенских царях римлян, происходящих от эллинов, о том, как они поступали и как умерли, от Юлия Цезаря и до безбожных христорборцев Диоклетиана и Максимилиана, и сразу же о благочестивейшем первом царе христиан Константине и последующих до последнего Михаила, сына Феофила, который, воцарившись ребенком, вновь. . . провозгласил и восстановил православленную веру»¹¹.

Этот «argumentum» Амартол помнит и специально ссылается на него, когда рассказывает о смерти Александра и последовавшей анархии (с. 39 и 285). Правда, деление на τμήματα в тексте хроники не вполне совпадает с данным в предисловии, поскольку решительно невозможно заметить в тексте какого-либо рубежа между Иисусом Навином, судьями и другими деятелями иудейской истории вплоть до взятия Иерусалима. В остальном,

¹⁰ Georg. Monach. P. 2.

¹¹ Georg. Monach. P. 4.

однако, Георгий остается верным первоначальному плану. Таким образом, *τάξις τριτάτων* приобретает следующий вид:

Далее мы охарактеризуем каждый из разделов в отдельности, но в начале нужно сказать несколько слов о сводном подсчете лет, помещенном в конце хроники. Его содержат если и не все рукописи, то лучшие из них. В этом списке (подсчете) указываются те вехи, которые в христианском богословии обычно делают всемирную историю на века (*αἰώνες*), — Адам, потоп, столпотворение, Авраам, исход (Моисей), храм Соломонов, вавилонское пленение и Христос, с добавлением Александра Македонского и Константина. Кроме того, дается сумма лет от Адама до плена и от плена до Христа. Таким образом, если соединить все события до вавилонского пленения в одну часть (раз их годы суммируются отдельно), этот конспект вполне согласуется с *τάξις τριτάτων*, приведенным выше, учитывая, что пришествие Христа в качестве хронологической вехи совпадает с правлением Августа (об этом подробнее речь пойдет ниже)¹². Амартол колеблется лишь в периодизации иудейской истории до плена (он делит ее либо по способу правления — судьи, цари и т. д., либо так, как это принято в богословии), но это не имеет существенного значения, поскольку в тексте эта периодизация вообще выражена очень слабо.

Итак, мы переходим к анализу первого раздела — от Адама до Александра Македонского, занимающего в издании Де Боора 33 страницы (6—39) и содержащего рассказ о языческой истории. Само по себе такое четкое разделение и противопоставление языческой истории священной весьма интересно и беспрецедентно для византийской историографии. Ближайший аналог обнаруживается в «*De civitate Dei*» Августина, сочинении, впрочем, византийцам неизвестном.

Рассмотрим композиционную структуру языческой истории (как и других частей хроники) по следующим критериям:

1. Последовательность указания правителей и годов царствования.
2. Наличие и характер авторских ремарок, перекрестных ссылок типа «ὡς εἴρηται».
3. Наличие или отсутствие логического перехода между частями повествования.
4. Единство проблематики.

Что касается первого пункта, то здесь господствует полный хаос. Перечисляется подряд несколько правителей, затем следует скачок — «За Персеем и последующими временами и царями воцарился над египтянами первым некий человек. . . по имени Сострис»¹³, и повествование переносится уже в совершенно другие времена и страны. Временная последовательность нарушена — например, после известия о воцарении Состриса вдруг сообщается (с. 16), что в «вышеописанные времена Пика Зевса появляется в западных краях. . . Инах», т. е. речь идет о событиях, происшедших до этого воцарения. Ср. также на с. 18: «После тех же времен и царей воцарился Пелопс Лидиец». Рассказ об ассирийских царях, Кире и

¹² Интересно, кстати, что воплощение Христа в предисловии вообще не упоминается в качестве временного рубежа — и это у историка-монаха! То, что Амартол для периодизации выбирает не Христа, а Августа, свидетельствует о важности для него имперско-государственной темы.

¹³ *Georg. Monach.* P. 15.

Крезе, присоединяется к сообщению о Пелопсе с помощью всего лишь частицы «τοίνυν» (*ἐβαλίλευσαν τοίνυν Ἀσσυρίων*). Известие о Паласе вводится после рассказа об Артаксерксе Мнемоне словами «при нем» (*ἐφ' οὗ*).

Из приведенных примеров видно отсутствие не только временной и логической, но и пространственной последовательности — сведения о различных царях, правивших в различные времена в разных странах, нагромождены одно на другое без всякого порядка. Тем не менее было бы ошибкой полагать, что это вовсе не история в собственном смысле, а лишь сборник анекдотов, предпосланный настоящему историческому повествованию — ведь сам Амартол недвусмысленно включает этот раздел в свою *χρονικὴ πραγματεία* и старается сохранить хотя бы видимость связности, указывая, например, годы правления царей. В остальном, однако, Георгий не только не упорядочивает хаотичность Малалы, которым пользуется в этой части как основным источником, но, напротив, еще усугубляет ее. Авторские ремарки поэтому в языческой истории совершенно отсутствуют, если не считать приведенной фразы: «в вышеописанные времена Пика Зевса». Но Пик Зевс упоминается до этого один раз на с. 12, и то мимоходом, и какие «времена Пика Зевса» имеются в виду, непонятно. Что же до проблематики, то она тут, не обладая, разумеется, единством, отличается скудостью, а посему и некоторой однородностью. Амартол сохраняет все нравоучительные комментарии Малалы (достаточно редкие), не добавляя своих, и берет из него рассказы преимущественно этиологического содержания.

Оканчивается этот раздел смертью Александра Македонского. Вообще встает вопрос, почему именно Александр оказался в композиции хроники столь важным, узловым пунктом. Существует мнение, что фигура Александра играла в византийской *Kaiseridee* очень важную роль и что Александр рассматривался как предтеча византийских императоров¹⁴. На материале хроники Амартола такой взгляд находит подтверждение лишь частично. О связи Александра с имперской традицией говорит фраза в предисловии: «*τοὺς Ῥωμαίων ἐκ τῶν Ἑλλήνων καταγομένους καθολικοὺς βασιλέας*», а также явное стремление Георгия представить его в виде добродетельного государя, божьим промыслом противопоставленного (*ἀντικατέστησεν ὁ θεός*) нечестивым персам, вавилонянам и прочим восточным народам, как царя, чтущего истинного бога и его первосвященника. Этого Амартол достигает, помещая в повествование взятую у Иосифа Флавия легенду о торжественной встрече Александра первосвященником Иаддусом и восходящий к Плутарху рассказ о добродетелях царя. Но в то же время фактически преемственность до Цезаря и Августа никак не прослеживается и не обосновывается. Не все благополучно и с представлением об Александре как идеальном правителе (см. ниже).

Теперь перейдем ко второму разделу хроники, иудейской истории до вавилонского плена. Он представляет резкий контраст предыдущему по всем параметрам. Здесь неукоснительно соблюдается порядок перечисления царствований (до Иисуса Навина указываются потомки Сифа по старшим сыновьям в соответствии с Книгой Бытия). Даже при отсутствии информации о правлении того или иного царя, судьи или ветхозаветного патриарха, о нем все равно сообщается таким образом: «Иаред же, будучи 162 лет, родил Еноха, жил после этого 800 лет и умер, прожив

¹⁴ Beck H. G. *Das literarische Schaffen der Byzantiner: Wege zu seinem Verständnis*. München, 1959. S. 28.

всего 962 года»¹⁵; «После Озии воцарился Иоафан, сын его, и делал добро перед Господом и скончался, царствовав 16 лет»¹⁶; «После Фолы [был] судьей Иаир 22 года»¹⁷.

В тексте этого раздела присутствуют также довольно многочисленные по масштабам Амартола авторские ремарки и ссылки. Из них наименее интересны те, которые отсылают ненамного (одну-две страницы печатного текста) назад, как, например, на с. 264 об Осии и гибели Самарии, и на с. 248: «Итак, в третий раз Навуходоносор разорил Иерусалим, как сказано (ὡς εἶρηται). . .» Гораздо больше дают перекрестные ссылки. Наиболее ярко выделяются две из них. Первая содержится в рассказе о правлении Езекии, о котором говорится, что он уничтожил книги Соломона о растениях и заговорах, «как сказано»¹⁸. Об этих книгах действительно сказано на с. 199, но самое любопытное, что там же говорится и об уничтожении их впоследствии Езекией, т. е. ссылка идет в двух направлениях — из прошлого в будущее, и наоборот. Второй случай нельзя даже назвать ссылкой, поскольку формально это никак не выражено, но сюжетно-композиционную связь повествования это место демонстрирует великолепно. На с. 107 говорится: «Но благословения сказаны были Иакову, исполнились же на других». На с. 173 находим: «. . . (Давид) исполнил и благословение Исаака, данное Иакову». Это тем более показательно, что обе фразы разделяет почти 70 страниц.

В немалой мере способствуют усилению связности изложения и логические переходы между его частями. Примеров можно было бы привести много, но все они не слишком выразительны, а потому ограничимся одним, самым красноречивым. Рассказав о поражении и смерти Сенахирима, Амартол прибавляет: «Когда он был убит своими детьми, (этим) справедливым убийством было прекращено несправедливое избитие пленных (израильтян)», и вводит новый сюжет: «Из числа этих пленных был некий благочестивый и милосердный человек по имени Товит». Так очень плавно осуществлен переход от IV Книги Царств к Книге Товита.

Единство и цельность присущи и проблематике иудейской истории. Моралистические рассуждения по поводу тех или иных персонажей не изолированы, но связаны и соотнесены между собой. Судьба Соломона разбирается Амартолом в прямом сравнении с Моисеем (с. 206), а Амоса — с Манассией (с. 239).

Есть и еще один фактор, подтверждающий цельность священной истории в изложении Амартола. Это изложение изобилует всякого рода подсчетами и подведением итогов. На с. 54 есть подсчет лет от Адама до потопа и от потопа до смешения языков (цифры, кстати, сильно отличаются от приведенных в заключительной сводке). На с. 250 указывается число иудейских царей от Давида до Седекии, сумма лет их царствований и перечисляются все пророки с упоминанием царя, при котором они подвизались. Наконец, если обратить внимание на контекст ремарок, приведенных самыми первыми (об Осии и Навуходоносоре), окажется, что в первом случае это перечисление царей израильских (указание числа царей и совокупных лет правления), а во втором — подсчет количества нападений Навуходоносора на Иерусалим. Интересно, между прочим, что Амартол рассказывает о царях израильских отдельно от иудейских и после них. В этом просматривается та же тенденция, что и в отделении языческой

¹⁵ *Georg. Monach.* P. 45.

¹⁶ *Ibid.* P. 221.

¹⁷ *Ibid.* P. 151.

¹⁸ *Ibid.* P. 222

истории от священной, т. е. стремление даже композиционно противопоставить историческое зло добру, праведность — нечестию. Ведь в итоговой заметке о царях израильских Георгий говорит, что все они делали злое перед господом, и не упоминает ни о каких пророках, которые перечислены только в заключительном подсчете царей иудейских, так что противопоставление тут налицо. Но композиционно оно может быть для Амартола выражено лишь в том случае, если оба полюса представлены царями или другими правителями. Поэтому история иудеев после плена, хотя она и есть прямое продолжение предшествующей, уже не может излагаться отдельно, поскольку нет царей, годы правления которых образовали бы тот композиционный и хронологический костяк, без коего Амартол обойтись не в состоянии.

Таким образом, началом вавилонского пленения открывается новый раздел, охватывающий промежуток от Навуходоносора до Юлия Цезаря. Третий раздел хроники отличает известная двойственность. Иудейскую историю Амартол продолжает излагать, сохраняя связность и цельность, и притом все ярче выявляя ее завершенность, законченность. После рассказа о восстановлении храма сначала указывается число лет от первого возведения храма до второго, а затем подводится предварительный итог всей иудейской истории до Ирода и Христа¹⁹. Подобные обзоры иудейской истории с упором на ее окончательную завершенность делаются Георгием несколько раз (ср. с. 300—306, в связи с пришествием Христа, причем с прямой ссылкой на предыдущий обзор на с. 282; с. 405—406 и 430—431, в связи с разрушением второго храма Титом). Продемонстрировать, что иудейская история кончилась как священная история на Ироде, Амартолу необходимо в полемических целях, чтобы доказать, что Христос действительно исполнил все ее пророчества и обетования, и поэтому история избранного народа с этого момента теряет смысл и уступает место истории церкви.

Однако, помимо иудейской истории, в третьем разделе идет речь и о языческой. Она здесь явно приобретает большую связность, чем в первом разделе. Это выражается в появлении ссылок, причем на сообщения второго раздела, например: «После же вышеуказанных (πρὸς τὴν ἱστορίαν) Ассирийских царей воцарился, как сказано, Навуходоносор на 24 года»²⁰ (об этих царях и Навуходоносоре говорится на с. 18). На рассказ о Кире (с. 18—20) имеются даже две ссылки (на с. 273 и 277). Но вместе с тем последовательность перечисления царствований Амартол по-прежнему не соблюдает, например: «За Артаксерксом же воцарился другой Артаксеркс и последующие до Дария Арсама»²¹. На с. 285 приводится перечисление персидских царей с годами их правления, но оно не совсем совпадает с предыдущим текстом в отношении имен царей (в тексте ничего не говорится о Ксерксе, сыне Дария, сына Гистаспа) и по цифрам (Артабан на с. 284 царствовал 7 месяцев, на с. 285 — 6).

После рассказа о персидских царях Амартол снова возвращается к Александру. Но на этот раз поход Александра, хотя и замыкает обе линии повествования — языческую и священную историю — в одну, не образует, однако, реального композиционного членения. Противопоставление «народ божий — нечестивые правители» остается. И Александр теперь из обособленного добродетельного и благочестивого царя превра-

¹⁹ Ibid. P. 282.

²⁰ Ibid. P. 264.

²¹ Ibid. P. 284.

щается в обыкновенного языческого правителя в ряду таких же язычников, безразлично, персов или македонян. На с. 286 Амартол, как бы забыв свои прежние похвалы Александру, спокойно цитирует Книги Маккавейские, в которых говорится, что тот «...возвысился, и вознеслось сердце его»²². По-видимому, в сравнении с прочими языческими царями Александра можно было представлять добрым и благочестивым (как потом Траяна), но все же Книги Маккавеев, хотя и девтероканонические, но церковью чтимые, с их резкой антимакедонской направленностью мешали изображать его идеальным предтечей Империи.

Третий раздел хроники заканчивается Юлием Цезарем. Переход к римским делам совершается чисто механически, без какой-либо логической связи, а фраза о том, что Рим управлялся консулами, не содержит ссылки на подобное же сообщение на с. 23 и расходится с ним в хронологии. Теперь возникает вопрос, с кого же начинается четвертый раздел, о Римской империи, — с Цезаря или с Августа? В пользу первого говорит тот факт, что в предисловии Амартол определяет этот раздел как продолжающийся от Юлия Цезаря до Константина. Но в том же предисловии Георгий отличает вождей римлян (ἡγεμόνες) от вселенских царей (καθολικοὶ βασιλεῖς), а Август в его понимании и был первым вселенским царем, и именно в рассказе о его правлении говорится: «Вот отсюда начинается четвертое царство, которое Даниил в видении четырех зверей называет метафорически (τροπικῶς) четвертым зверем»²³.

Итак, в открывающем четвертый раздел рассказе о правлении Августа совпадает начало церковной истории, ἐναρχος οἰκονομία, с действительным началом вселенской и последней Империи. Такое совпадение Амартолом подробно обосновывается с помощью известной богословской концепции. Как прочно в сознании византийцев было связано пришествие Христа с Августом, показывает стихира на Рождество: «Августу единоначальствующую на земли многоначалие человекв преста. И Тебе вочеловечшуся от Чистыя многобожие идолов упразднися, под едином царством мирским гради быша и во едино владычество Божества языцы вероваша»²⁴.

Сосуществование церковной истории и императорской определяет в изложении Георгия содержание всего периода от Августа до Диоклетиана. Это именно параллельное, почти не пересекающееся сосуществование, а не взаимодействие.

Императорская история излагается уже последовательно, в том смысле, что ни один император не пропущен. Однако органической связи между сообщениями об отдельных царствованиях нет. Нет по большей части и логического перехода от известий об императорах к событиям церковной истории. Обычно более или менее пространный рассказ о правлении того или иного императора строится по такой схеме: «После такого-то воцарился такой-то, процарствовал столько-то лет и умер так-то. — При нем. . .» — и далее говорится, какие мученики прославились при этом императоре, какие были осуждены еретики и т. п. Есть, правда, и исключения, когда переход от одной части к другой логический — например, в рассказ о Тиберии органично вставлено сообщение о том, как Пилат донес императору о чудесах Христа. Отступление об Иоанне Богослове приводится по поводу того, что Нерва вернул его из изгнания. Но примеры этого рода малочисленны.

²² Ibid. P. 286.

²³ Ibid. P. 294.

²⁴ Минея. Декабрь, 25; *Christ W., Paranikas M. Anthologia Graeca carminum Christianorum. Lipsiae, 1871. P. 103.*

Авторские ремарки в этом разделе присутствуют, но не переходят пределов одного царствования и отсылают всего на одну-две страницы назад (например, на с. 297: «Август Цезарь. . . упразднив отдельные царства, как я сказал, подчинил все римскому рулю (οἰαξι)». Единства проблематики (в отличие от однородности) также не замечается даже внутри священной или имперской истории.

Положение начинает меняться при приближении к последнему разделу. Уже в сообщении о правлении Диоклетиана, Максимиана и Максимиана обнаруживается взаимодействие имперской истории с церковной, связанное с преследованием христиан этими императорами. Но история христианской империи, объединяющей эти два начала, а следовательно, и пятый, завершающий раздел хроники открывается, естественно, Константином. Рассказ о Константине делится на две части. В одной повествуется о его крещении и победе над Максенцием, во второй — об остальных событиях его правления. Фраза «воцарился Константин» идет не после сообщения о смерти его отца Констанция, а лишь за известием о низвержении Максенция, и непосредственно за этой фразой следует описание триумфа христианства. Таким образом, для Амартола Константин не мыслился иначе, как *христианский* император. Все, что относится к языческому прошлому Константина и его обращению, отодвинуто во времени до его воцарения. После же воцарения он сразу же начинает принимать активное участие в событиях церковной истории, таких, как Никейский Собор или диспут между папой Сильвестром и иудеями. В дальнейшем изложении византийской истории такая взаимосвязь церковного и императорского начал полностью сохраняется.

В последнем разделе хроники Амартола восстанавливается та связность и цельность изложения, которую можно было наблюдать в частях, посвященных иудейской истории. Резко возрастает количество логических переходов в повествовании и сокращается число сообщений, присоединяемых механически с помощью «ἐφ' ὅ». Надо, однако, оговориться, что многочисленные анекдоты и известия о разных стихийных бедствиях и необычных явлениях практически всегда у Георгия вставляются именно механически, и посему их не стоит принимать в расчет, если это только не анекдоты из жизни императоров, а стихийные бедствия не связываются прямо с божьим гневом на те или иные действия. В немалой степени способствует связности повествования отсутствие резких переходов между рассказами о разных царствованиях. Очень часто сообщение о правлении императора заканчивается рассказом о том, как и каким образом он был сменен, так что после фразы «после такого-то воцарился такой-то» продолжается последовательное изложение событий. Этим также подчеркивается процессуальность, незавершенность византийской истории. Об этом же свидетельствует и то, что Амартол не подводит никаких итогов и не делает обзоров не только византийской, но и римской императорской истории. На процессуальность же, помимо вышеописанных явлений, указывает еще характер авторских ремарок. Ремарки типа «ὅς εἶρηται» почти исчезают (на с. 744 есть ссылка на сообщение о походе Масальмы (с. 734), но она не точна, поскольку на с. 734 говорится, что Масальма оказался в окрестностях Амория, а на с. 744 — что он занял Абидос). Их сменяют ремарки совсем другого рода, подчеркивающие как раз непрерывность, последовательность повествования, например: «И с этим дело обстоит так, теперь же перейдем к следующему (καὶ ταῦτα

μὲν ὧδε, ὡπρὸς δὲ τὰ ἐξῆς ὁ λόγος βαδισάτω)»²⁵. В то же время конец своего изложения византийской истории Амартол оставляет как бы открытым. Хронист строит заключительный рассказ (о правлении Михаила III) следующим образом. Он указывает общее количество лет его царствования, сколько из них он правил единолично и сколько в соправительстве, а затем ограничивается описанием лишь первых двух лет, заканчивая собором, восстановившим православную веру²⁶. Подобный конец сочетает известную композиционную завершенность с исторической, сюжетной открытостью²⁷.

Все эти черты византийской истории в хронике Георгия Амартола находят объяснение в официальной эсхатологии Византии. По принятому в средние века толкованию пророчества Даниила конец света наступит с крушением Римской империи. Поэтому история империи будет продолжаться столько же, сколько существует этот мир, а это значит, что она принципиально открыта в будущее²⁸.

Проанализировав композицию хроники Амартола, мы пришли к следующим выводам. Хаотичность и упорядоченность изложения отражают степень осмысленности для автора той или иной части исторического процесса. Смысл же истории в представлении Амартола сообщают два фактора — сакральный и имперский. По характеру и степени взаимодействия этих факторов история фактически делится для Георгия на четыре части: от Адама до Вавилонского пленения, от плена до Христа, от Христа до Константина и от Константина, очевидно, до конца света. Соединение священной истории с Kaiseridee осуществляется дважды — в иудейской истории и византийской. Но если иудейская история ограничена как в пространстве, поскольку параллельно ей идет языческая история, так и во времени, поскольку она окончательно и бесповоротно завершается пришествием Христа, то византийская, наоборот, замещает всемирную и открыта в будущее. Кроме того, незамкнутость византийской истории ведет к восприятию ее как длящегося процесса. Особняком стоит фигура Александра Македонского, в котором соединение священной истории с императорской намечено, но не доведено до конца.

Полученные в результате исследования композиции хроники данные, давая представление о взглядах Амартола на историю и о факторах, определяющих, с точки зрения писателя, ее ход, указывают на то, какие именно аспекты в истории более всего интересуют хрониста, что существенно облегчает анализ проблематики произведения, ориентируя в огромном количестве частных тем и вопросов, трактуемых Амартолом в его хронике.

²⁵ *Georg. Monach.* P. 658; ср. P. 706.

²⁶ Напомним, что конечная точка изложения названа в предисловии: «до Михаила, который, воцарившись ребенком, вновь... восстановил православную веру».

²⁷ На с. 742 сказано (после сообщения об уничтожении Львом III школы в Константинополе): «... с тех пор познания в науках в Романии оскудели, умяемые из-за безумия царствующих наукоборцев, до дней Михаила и Феодоры, верных и благочестивых царей». Эта ссылка на будущее, лежащее уже фактически за пределами рассказа, подтверждает нашу мысль.

²⁸ Г. Подскальский указывает, что Георгий был первым автором, который четко отождествил Римскую (Византийскую) империю с четвертым зверем Даниила, подразумевая тем самым, что она будет существовать до конца мира, и в то же время не дал никакого временного ограничения (т. е. не пытался предсказать сроки). См.: *Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie.* München, 1972. P. 58—59.